

КРИТИКА Г. Д. ГУРВИЧЕМ ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Б. В. НАЗМУТДИНОВ*

В статье исследуется полемика, имевшая место во второй половине 1920-х гг. между социологом, юристом Г. Д. Гурвичем и представителями классического евразийства Н. Н. Алексеевым, Л. П. Карсавиным и др.

Данная полемика обозначила конкуренцию двух холистских доктрин: евразийства, утверждавшего социальное Целое геополитически (через единство Евразии), и «теории социального права» Гурвича, обосновывавшей Целое социологически — посредством признания правового опыта коллективным явлением. Однако в отличие от теории Гурвича евразийство не было монолитным: стремление к «социальному Целому» у Л. П. Карсавина и Н. С. Трубецкого отчасти уравновешивалось апологией индивидуальной личности у Н. Н. Алексеева и П. Н. Савицкого. Именно поэтому анализ работ выявил не только различия, но и сходство в воззрениях авторов. Момент признания ценностей в праве, утверждение «императивно-атрибутивного» характера права сближает Г. Д. Гурвича с Н. Н. Алексеевым; подчеркивание «соборного», коллективного момента права — с Л. П. Карсавиным, причастным традиции «всеединства». Сходство идей евразийцев и взглядов Гурвича объяснимо их общими идейными основаниями — близостью обеих доктрин русской религиозной философии, психологической теории права Л. И. Петражицкого, европейской феноменологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Георгий Гурвич, евразийство, собственность, социализм, правопонимание, феноменология, теория Петражицкого, императивно-атрибутивный характер права.

NAZMUTDINOV B. V. GEORGE GURVITCH'S CRITIQUE OF THE EURASIANIST LEGAL VIEWS

Based on the writings published in the second half of the 1920s, the article focuses on the conceptual debates between the sociologist and legal scholar George Gurvitch and the Eurasianists (Nicholas Alexeyev, Leo Karsavin, etc.).

These debates revealed the competition of two cholic doctrines: Eurasianism (that stated the Social Unity in the geopolitical entity of "Eurasia") and Gurvitch's "Theory of Social Law", which substantiated this Unity in terms of sociology by means of recognition of legal experience as a collective phenomenon.

* Назмутдинов Булат Венерович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ.

Nazmutdinov Bulat Venerovich — candidate of legal sciences, associate professor of the department of theory of law and comparative jurisprudence, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: ethemerr@gmail.com

© Назмутдинов Б. В., 2014

However, Eurasianism, as a doctrine, was pluralistic. Collectivist tendencies in the writings of Leo Karsavin and Nicholas Trubetsky were balanced by the apology of Individualistic Personality in the articles of Nicholas Alexeyev and Petr Savitsky. That is why the research reveals not only the distinctions, but also the common features between legal views of the scholars. Gurvitch's ideas were close to the Alexeyev's views in terms of recognition of "values" in Law and "imperative-attributive" character of Law. Gurvitch's conceptions are also similar to the "Alleinheit" theory of Leo Karsavin in emphasizing the collectivist grounds of Law. These similarities were based on the nearness of Eurasianism and Gurvitch's ideas to the Russian Religious Philosophy, the Psychological theory of Leon Petrażycki and the European Phenomenology.

KEYWORDS: George Gurvitch, Eurasianism, property, socialism, understanding of law, phenomenology, theory of Leon Petrażycki, imperative-attributive character of Law.

В контексте развития научной мысли полемика как таковая очень важна. Особенно это заметно в области социальных наук, где законы развития или существования не открываются, а задаются или предполагаются существующими. Poleмика, связанная с юридическими проблемами, также значима и потому, что она ориентируется не только на абстрактные правила, но и на воплощение норм и идей, что отличает ее от ряда иных социальных наук.

Сама же «борьба за право», о которой писал Р. Иеринг, начинается не в законодательных комитетах или судах, а еще раньше — в трудах юристов, пишущих и рассуждающих о том, что есть право, каковы правовые явления, существенна ли корреляция между нормативными текстами и связанными с ними социальными феноменами. Научная полемика часто предшествует принятию важного законодательного акта. Дискуссия германистов и романистов по поводу развития германского права и роли римского права в его формировании предвзяла введение в действие в 1900 г. Германского гражданского уложения.

Существует, меж тем, иной пласт полемических текстов — значительно менее известный, однако его относительная неизвестность не подразумевает его бессодержательности. Не все, что забыто, забыто заслуженно.

Примерами таких текстов стали работы Г. Гурвича, опубликованные во второй половине 1920-х гг. и содержавшие критику правовых воззрений евразийцев. Последние утверждали уникальность России-Евразии, чьи характерные признаки равно отличны от Европы и от Азии, а также пытались выявить специфические основания «евразийского» правопорядка.

Полемика обозначила конкуренцию двух холистских доктрин: евразийства, утверждавшего Целое геополитически, через «многонародную личность» Евразии, и «теории социального права» Гурвича, обосновывавшей Целое социологически — посредством признания правового опыта опытом коллективным. Причем в отличие от теории Гурвича евразийство не было монолитным: стремление к «социальному Целому» у Л. П. Карсавина и Н. С. Трубецкого отчасти уравновешивалось апологией индивидуальной личности у Н. Н. Алексеева и П. Н. Савицкого.¹

¹ Подробно об «органицистских» и «индивидуалистических» аспектах евразийства см.: Назмутдинов Б. В. Понятие государства в трудах классиков евразийства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 163–176.

Эта сложная, противоречивая полемика исследована лишь отчасти. М. В. Антонов указал на критику Гурвичем воззрений евразийцев в газете «Дни» в 1925 г.,² отметив, что на страницах «Современных записок» Гурвич полемизировал с евразийцем Н. Н. Алексеевым по поводу сущности социализма³. Историк Ю. В. Дойков также упомянул статью в газете «Дни», допустив в одном абзаце, характеризующем ее содержание, около десяти фактических ошибок: перепутаны инициалы евразийца П. П. Сувчинского, место рождения Г. В. Флоровского и др.⁴ Академик Г. В. Осипов в учебнике «История социологии в Западной Европе и США» уделил этой полемике несколько предположений, причислив к евразийцам их непримиримого противника Е. В. Спекторского.⁵

Систематически критика Гурвичем евразийцев не изучалась. Хотя ее значимость подчеркивает даже то, что сами евразийцы относились к ней очень внимательно. Савицкий специально упомянул о выпадах Гурвича в обзорной статье о критиках евразийства.⁶ В 7-й Евразийской хронике (1927) упоминались обстоятельства публичной критики евразийской доктрины: «Г. Д. Гурвич произносит страстную, направленную против евразийства речь. Он отрицает оригинальность евразийства, ссылаясь на то, что те или иные мысли, входящие в состав евразийской идеологии, высказывались уже ранее теми либо иными немцами, но доказательствами мыслей своих не подтверждает и на различиях не останавливается, за исключением идеи «функциональной собственности», с апломбом объявляемой им «извращенной». Затем он переходит к нападению на евразийцев за то, что они будто бы отрицают право, причем попутно дает свое определение права, с евразийским не совпадающее. Это утверждение он старается доказать рядом цитат, извлекаемых им из разных карманов... умозаключениями и личным опытом. Личный опыт относится к общению оратора с пражскими евразийцами, т. е. к взаимной неприязни. «Обличения» евразийцев в проповеди бесправия встречают сочувствие большинства публики, особенно же утверждение г. Гурвича, что евразийцы стремятся к евразийской че-ка (ЧК. — Б. Н.)»⁷.

Прежде чем выявить особенности этой очень эмоциональной полемики, важно кратко охарактеризовать ее участников. Георгий (Жорж) Гурвич известен прежде всего как социолог и лишь потом — как юрист, хотя и получил юридическое образование. Родившись в Российской империи, он учился в Дерптском (Юрьевском) и Петроградском университетах. В 1920 г. Гурвич уехал в Европу, числился приват-доцентом кафедры философии права Русского юридического факультета г. Праги,⁸ работал в Берлине,

² Антонов М. В. Правовое учение Г. Д. Гурвича: Дис. ... к. ю. н. СПб., 2006. С. 18.

³ Там же. С. 33.

⁴ Дойков Ю. В. Георгий Гурвич — социолог-эмигрант первой волны // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 144.

⁵ Осипов Г. В. История социологии в Западной Европе и США. М., 2001. С. 301.

⁶ Савицкий П. Н. В борьбе за евразийство: полемика вокруг евразийства в 1920-х годах // Тридцатые годы. Париж, 1931. С. 47.

⁷ Выступление П. Н. Милюкова против евразийства (Доклад и прения, 5 и 12 февраля, Париж) // Евразийская хроника. № 7. Париж, 1927. С. 34.

⁸ Важно, что возглавлял кафедру П. И. Новгородцев, декан и создатель этого факультета. См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф Р-5765. Русский юридический факультет в Праге. Оп. 1. Д. 92. Список профессоров и преподавателей Русского юридического факультета. Л. 2.

Бордо, Страсбурге, Париже. За рубежом ученый известен благодаря своей социологии права,⁹ а также вкладу в развитие социологии знания.

Подобное именование Гурвича социологом и юристом должно вроде бы создавать водораздел между ним и русскими евразийцами 1920-х гг. — геоэкономистом П. Н. Савицким, правоведом Н. Н. Алексеевым, историком и философом Л. П. Карсавиным. Последние не интересовались общественными явлениями как социологи. Они были либо «эмпириками» (но не в области права), либо же «идеологами», «теоретиками». Социологи же права с большим недоверием относятся к абстрактно-философским и тем более абстрактно-юридическим построениям. Однако Гурвич не был социологом-эмпириком. Его социология права, обретшая берега в 1930-е гг. в рамках теории «социального права»,¹⁰ не была сугубо эмпирической, скорее — общей. Предметный интерес к философии, истории идей у Гурвича был всегда. При этом немногие знают его как своеобразного интерпретатора русской философской традиции.¹¹ В своих работах автор апеллировал такими понятиями, как «соборность» и «всеединство»,¹² настаивал на реальности «социального Целого»,¹³ отрицая номинализм в изучении социальных систем.

Благодаря этой, второй, характеристике Гурвича обозначается возможное общее поле, на котором идеи автора и воззрения евразийцев могли сосуществовать, порождая любопытные пересечения. Последние возникали, прежде всего, потому, что классическое евразийство как синтетическое учение вместило в себя различные направления общественной мысли XIX–XX вв.: и европейскую геополитику, получившую свое развитие в евразийской среде благодаря концепции «месторазвития» П. Савицкого, и феноменологию, чей след очевиден в трудах Н. Алексеева, и традицию «всеединства», которой следовал Л. Карсавин. Утверждение уникальности России-Евразии являлось лишь видимой частью евразийской программы. Не менее важно понять, как обосновывалась подобная уникальность, каков был контекст появления евразийской аргументации. Так, евразийское учение о коллективной («симфонической») личности стало возможным благодаря учению Л. Карсавина, считавшего индивидуальную личность особенным воплощением личности «народа», «народ» же — особенным воплощением единой «культуры».

В рамках такой перспективы идеи Гурвича и евразийцев могли соприкасаться, сближал их и общий историко-идейный контекст. Концепция

⁹ Х. Тревиньо называет Гурвича (наряду с Л. Петражицким и Н. Тимашевым) одним из «восточноевропейских пионеров юридической социологии». — *Treviño A. J. Introduction to the Transaction Edition // Timasheff N. S. An Introduction to the Sociology of Law. New Brunswick (New Jersey), 2009. P. IX.*

¹⁰ Хотя некоторые ученые полагают, что основания социологической концепции Гурвича были намечены еще до отъезда из России в 1920 г., методологические ее основы были разработаны гораздо позже. См. об этом: *Simirenko A. Social Origin, Revolution and Sociology: the Work of Timasheff, Sorokin and Gurvitch // British Journal of Sociology. 1973. № 24. Issue 1. P. 90; Антонов М. В. Правовое учение Г. Д. Гурвича. С. 21, 28–31, 54.*

¹¹ Роль русской философско-правовой традиции в творчестве Гурвича особо подчеркивает М. В. Антонов, считая ее определяющей для формирования научных воззрений ученого (*Антонов М. В. Правовое учение Г. Д. Гурвича. С. 28–30*).

¹² Разумеется, это не собственно «русские» понятия («соборность» — перевод греческого слова «кафоличность», «всеединство» — немецкого «*alleinheit*»); тем не менее они часто маркируются как специфически русские.

¹³ *Гурвич Г. Д. Идея социального права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права. СПб., 2004. С. 48.*

евразийства, как и социология права Гурвича, формировалась в межвоенной Европе в 1920–1930-е гг. Создателями и носителями этих идей и идеологом были русские ученые-эмигранты. Гурвич и евразийцы были современниками, в определенном значении — «сопротостранственниками». Гурвич и некоторые евразийцы вместе работали на Русском юридическом факультете в Праге. Здесь преподавали либо учились печатавшиеся в евразийских изданиях П. Савицкий, Н. Алексеев, Г. Вернадский, М. Шахматов, К. Чхеидзе и др. Однако в Праге вели занятия и известные противники евразийства — не только Г. Гурвич, но и А. Кизеветтер, П. Струве, Е. Спекторский и др.¹⁴

Личные, пусть даже и эпизодические, отношения между Гурвичем и евразийцами отчасти обуславливали полемическое начало его статей, содержавших критику евразийцев. Данные статьи можно условно разделить на две группы. Первая включает в себе статью Гурвича в газете «Дни» (1925), специально посвященную Четвертому Евразийскому временнику, вышедшему в том же году. Вторая группа объемлет тематические статьи Гурвича (посвященные, например, праву собственности), а также рецензии на отдельные труды евразийцев — «Основы философии права» (1924) Н. Алексеева и др.

Статья «Пророки», включенная в первую группу, полна желчной иронии и сарказма.¹⁵ Общий упрек, заявленный Гурвичем, заключается в следующем: евразийцы, к которым причислены М. Шахматов, В. Ильин и П. Савицкий, не анализируют правовые явления, не доказывают провозглашенные тезисы, а витийствуют и пророчествуют. Причем главный упрек в этом тексте состоит из двух обвинений: в невежестве и трусливом стремлении к абстрактности.

Уместно начать с первого обвинения. Гурвич, анализируя статью Шахматова «Государство правды», в которой тот попытался осмыслить цели государственного правления, бросил ему упрек: «Шахматов... противопоставляет европейским политическим идеалам вычитанный им из русских летописей евразийский идеал “государства правды”. <...> Слово “правда”, по мнению Шахматова, снимая противоположность между установленным грешным Западом разделением между правом и нравственностью, одной своей стороной якобы неизбежно приводит к идее вечной правды Божьей, а другой упирается в понятие “властного теократического государства правды”, реализующего его заветы (почему это так, г. Шахматов объяснять считает излишним: ему, очевидно, кроме старинной немецкой “государственной теории права”, возводящей право к государственной власти, не известно ни одно из современных построений в вопросе об отношении права и государства)».¹⁶

¹⁴ Примечательно то, как описывал пражское общество Н. Алексеев: «Прага оказалась интеллектуальным центром русского рассеяния, где сосредоточились, можно сказать, “сливки” русской противобольшевистской эмиграции, и политической и ученой. Как будто в Прагу переехало в миниатюре разогнанное большевиками Учредительное собрание. Здесь были многочисленные эсеры с Виктором Черновым во главе (но при отсутствии Керенского, обосновавшегося в Париже); были представители бывшей Уфимской Директории, левые эсеры во главе с пражским Земгором, Мансветов, Архангельский, Слоним, издававший свой журнал “Воля России”; присутствовал большой кадетский ареопаг». — Алексеев Н. Н. Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991. С. 210.

¹⁵ Гурвич Г. Пророки // Дни. 1925. № 796. 23 июня. С. 2–3.

¹⁶ Там же. С. 2.

Гурвич критикует Шахматова (а по сути, и определенную традицию русской философии) за то, что он ассоциировал Европу с «законничеством» и «формализмом», российскую же культуру — с сущностным, нравственным поиском «правды». Выстраивая такую дихотомию, Шахматов, по Гурвичу, проявляет невежество, поскольку трактует европейскую юриспруденцию исключительно как государственную теорию права, преувеличившую роль закона и отделившую право от нравственных норм, не обеспеченных принуждением. Однако Шахматов не упоминал эту теорию, он следовал старой традиции, митрополиту Илариону, который в «Слове о законе и благодати» наметил базовое, на наш взгляд, противопоставление принудительного «закона» и подлинной «благодати» (истинной правды), ставшее лейтмотивом русского правосознания. Следуя логике обвинения, предъявленного Гурвичем, мы могли бы сказать, что из всех европейских теорий митрополит Иларион и славянофилы знают лишь государственную теорию права. Но жили они до появления этой теории. Шахматов, следуя определенной линии мысли, более широко смотрел на проблему, чем это хотел Гурвич.

Обвинение евразийцев в невежестве дополнялось упреком в излишней абстрактности. Шахматов, стремясь уйти от западноевропейского «законничества», провозгласил важность создания «государства правды», настаивал на обусловленности права «по форме» правом «по существу», основанном на религии. Однако — для Гурвича это важно — Шахматов не пояснил, как нужно организовать государственное правление, какова структура и полномочия государственных органов. Хотя именно этим вопросом, по мнению Гурвича, и занимались все великие правовые философы: «Как такой строй возможен, в чем он будет конкретно выражаться и почему он будет подходить под понятие государства, Шахматов не сообщает, зато категорически заявляет, что всякий другой государственный строй является упадочным. Да мудро ли это, если для «государства правды» сравнительно второстепенное значение имеет вопрос о юридическом строе государства, но первостепенное значение имеет вопрос о... преемстве благодати Бога» (как ее распознавать в политическом бытии, секрет г. Шахматова). Подобную концепцию наш автор признает «гениальной, соравною по своему значению лучшим созданиям политической мысли»... Не вдаваясь в разбор всех логических, юридических и исторических абсурдов, которыми кишат глубоко невежественные в области правоведения рассуждения Шахматова, отметим только, что если бы он дал себе труд взглянуть хотя бы в один из перечисленных им и явно знакомых ему только по имени политических трактатов, то он сразу убедился бы, что политическая проблема там именно только и начинается, где он удовлетворительно ставит точку; он узнал бы, что политические мыслители всех эпох только и делали, что трудились и продолжают трудиться над оставленным г. Шахматовым вне поля зрения вопросом, как организовать эмпирическую реальную волю людей таким образом, чтобы в государстве, которое они составляют, реализовалось бы право, или, если угодно, «правда»¹⁷.

Важно, что целью статьи Шахматова не было описание структуры учреждений. Наоборот, автор заявлял, что его волнуют не формы правления, а его цели. Анализом институтов Шахматов займется позже, в другой работе, когда будет описывать исполнительную власть в Московской Руси.¹⁸

¹⁷ Там же.

¹⁸ Шахматов М. В. Исполнительная власть в Московской Руси. Прага, 1935.

Гурвич обосновывает свои обвинения ссылками на текст, однако существенное внимание он привлекает не к интенциям этих статей, их общим идеям, а к курьезам аргументации и терминологии, прибегая к доказательству от противного. Сам же тон, выбранный критиком, не слишком изящен. Тем не менее упрек в излишней абстрактности здесь вполне уместен. Хотя Шахматов и не был вполне евразийцем, скорее — одним из тех, кому евразийцы предоставляли трибуну для высказываний, типологическое сходство абстрактной аргументации между Шахматовым и евразийцами существовало.

Обвинения в невежестве и излишней абстрактности повторялись и во второй группе работ Гурвича, затрагивавших вопросы о праве собственности и в целом — о понимании права. Статья Гурвича «Социализм и собственность» (1928)¹⁹ не была специально посвящена критике «государственно-частной системы хозяйства», предлагавшейся евразийцами, но в ней содержались выпады против этой модели. Более того, название статьи является инверсией работ С. Франка и Н. Алексеева, озаглавленных «Собственность и социализм».²⁰

Спустя семь лет упомянутая статья Гурвича войдет в его более объемный труд «Юридический опыт и плюралистическая философия права» (1935), став отдельной главой под названием «Социализм и собственность». Автор сократил текст, исключив, как ни странно, критику евразийцев.²¹

В самой же статье Гурвич критиковал концепцию собственности евразийцев со своей позиции — защиты «соборно-общей» собственности. Гурвич защищал социализм, причем специфически понятий, не марксистский. Социализм для него «есть система планомерной организации хозяйства, ставящая себе задачей устранение власти человека над человеком, поскольку она вытекает из отношений собственности. Социализм против противостественного превращения власти человека над вещью во власть над другим человеком».²²

Важно, что в 1920-х гг. Гурвич испытывал влияние работ Прудона и французских синдикалистов (Сореля и пр.),²³ чьи идеи наслаивались на специфически русский терминологический аппарат. Идеалом для Гурвича становится создание «соборно-общей» собственности, в рамках которой сочлены являются собственниками наравне с коллективным «целым» — они могут отчуждать свою собственность, требуя денежного возмещения,

¹⁹ Гурвич Г. Д. Социализм и собственность // Современные записки. 1928. XXXVI. С. 346–382. Спустя полгода появилась статья Гурвича, озаглавленная схожим образом: Гурвич Г. Д. Собственность и социализм (по поводу социалистической конструкции С. И. Гессена) // Современные записки. 1929. XXXVIII. С. 508–520.

²⁰ Франк, как и Шахматов, не был евразийцем, хотя и печатался в евразийских изданиях. См.: Франк С. Л. Собственность и социализм // Евразийский временник. Кн. V. Париж, 1927. С. 262–284; Алексеев Н. Н. Собственность и социализм. Париж, 1928.

²¹ См. главу II части III данной работы: Гурвич Г. Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права. // Гурвич Г. Д. Философия и социология права. СПб., 2004. С. 434–460.

²² Гурвич Г. Д. Социализм и собственность. С. 346.

²³ Это подчеркивают исследователи творчества Гурвича, к примеру, А. Хант. См.: *Classic Writings in Law and Society*. New Brunswick (New Jersey), 2009. P. 174. — В более поздних работах Гурвич отмечал, что он «пришел» к синдикалистам через Прудона. Причем временем обращения к этим авторам он называл период революций 1917 г. См.: Гурвич Г. Д. Мой интеллектуальный дневник // Гурвич Г. Д. Философия и социология права. С. 837.

но не выдела доли.²⁴ Основания такой собственности Гурвич видел в артелях, акционерных обществах, общинах и т. д.

Подобный тип собственности Гурвич противопоставил как идее неограниченного индивидуального собственника, так и концепту сособственности, поскольку долевые сособственники дома или квартиры не образуют собой никакого нового целого; собственность их не «соборно-общая». Сособственник может потребовать выдела доли в общей собственности в любой момент, поэтому такая собственность представляет собой «механическую сумму из разрозненных слагаемых», она связана эгоистическим интересом собственников. Перед нами не преобразование римской идеи индивидуальной собственности, а ее модификация.²⁵

Преобразование идеи собственности возможно при преобразовании субъектов собственности, переходе к новой идее собственности — созданию коллективного целого с возможностью выхода сочленов из этого целого: ведь важно сохранить за субъектом правомочие распоряжения. Распространение подобного понимания собственности на многочисленные сферы хозяйствования и есть, по Гурвичу, «социализация». В рамках такой социализации и создается искомое: автор настаивает, что собственность на орудия производства должна быть передана «независимой хозяйственной организации, представляющей общенациональный экономический интерес и контрбалансирующей безусловно-принудительную государственную власть».²⁶

Искусственное же государственное сдерживание «непросветленной», индивидуалистической собственности приведет лишь к сопротивлению собственников, а не к преобразованию существа собственности. А ведь именно это и предлагали, по Гурвичу, евразийцы, также стремившиеся ограничить произвол индивидуального собственника.²⁷ Н. Алексеев стремился распространить *Imperium*, публичную власть государства, на область ограничения пользования собственностью. Государство должно задавать границы пользования в сфере земельной собственности, иметь право на долю предпринимательского дохода с целью возвращения его рабочим и т. д.²⁸

«Государственно-частную» систему хозяйства, предлагающуюся евразийцами, Гурвич считал «неолиберальной»,²⁹ подразумевая под этим, во-первых, сохранение в этой модели индивидуалистической идеи собственности (для Савицкого было важно сохранить роль «хозяина» — частного

²⁴ «Соборная собственность, которая одинаково противостоит и индивидуальной, и коллективной собственности, одновременно закреплена и за целым и за каждым отдельным сочленом (групповым и индивидуальным) в известной идеальной доле. Выход отдельного сочлена из организаций не вызывает раздела имущества, которое всегда остается за целым, но каждый сочлен, покидающий общину, имеет право на возмещение своей идеальной доли. При соборной собственности организация, составленная из ее участников, надстраивается над собственническим отношением и соответственное статутарное социальное право определяет пределы собственнических полномочий <...> Фигура соборной собственности может быть применена не только к отдельному предприятию, но и к хозяйственной жизни целой страны, которая тогда образует единый многогранный субъект собственности: это и есть социалистическая собственность в нашем понимании». — Гурвич Г. Д. Собственность и социализм... С. 511.

²⁵ Гурвич Г. Д. Социализм и собственность. С. 355.

²⁶ Там же. С. 362.

²⁷ Там же. С. 356.

²⁸ Алексеев Н. Н. Собственность и социализм // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 273–274.

²⁹ Гурвич Г. Д. Социализм и собственность. С. 356.

собственника), а во-вторых, — сдержанно-положительную оценку Алексеевым вмешательства государства в распределение благ и доходов. Децентралистский социализм Гурвича соперничал с экономическим интервенционизмом евразийцев.

«Инструментализм» критики Гурвича, проявившийся уже в «Пророках», в «Социализме и собственности» обозначился с новой силой. Автору было важно не только сформулировать некоторую идею, к примеру, свое понимание собственности, но и показать возможные конкретные способы реализации этой идеи. Гурвич стремился не только к преобразению идеи собственности (на чем настаивали евразийцы), но и к созданию нового субъекта собственности.

Концепция «собственности как социальной функции», сформулированная Л. Дюги, казалась Гурвичу не совсем адекватной,³⁰ поскольку она допускала возможность существования «собственности без собственника».³¹ Гурвич считал, что субъект собственности всегда существует, но иногда его сложно установить. Тот, кто определяет владельца собственности, решает «судьбу предмета», и есть собственник — государство, муниципалитет и др.³² Схожие аргументы Гурвич использовал, критикуя проект «социализации» С. И. Гессена, утверждавшего возможность «бессубъектной собственности» и следовавшего в этом вопросе как раз за Дюги.³³

Другим важным высказыванием Гурвича в адрес евразийцев стала его небольшая рецензия на «Основы философии права» (1924) Н. Алексеева. Последний написал эту работу еще до присоединения к евразийству в 1926 г., однако его ключевые идеи, оценка права как «области ценного» остались прежними.

Гурвич обвинил Алексеева в том, что он некритически разграничивает право и нравственность,³⁴ пишет об индивиде как субъекте признания ценностей. Тем не менее оба автора считали момент признания ценностей важнейшим началом права. Более того, определение права в «Социологии права» (1942) Гурвича практически полностью воспроизводит подход Алексеева в «Основах философии права»: «Право представляет собой попытку осуществить в данных социальных условиях идею справедливости (т. е. предварительного и по своей сущности многообразного примирения противоречивых духовных ценностей, воплощенных в данной социальной структуре) путем многостороннего императивноатрибутивного регулирования, основанного на неразрывной связи между правопритязаниями и обязанностями; это регулирование обретает действительность через нормативные факты, которые придают регулированию социальную гарантию эффективности, и может в некоторых случаях обеспечивать выполнение

³⁰ Там же. С. 352.

³¹ Дюги приводил пример с церковным имуществом, которое может использоваться вовсе не собственником, т. е. церковью как организацией, а церковной общиной, священником и др. См.: Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона. М., 1919. С. 93. — Важно, что евразийцы также интересовались концепцией Дюги: на ее основании они даже сформулировали собственное (в целом отличное от Дюги) видение «функциональной» (ограниченной) собственности. См.: Евразийство. Опыт систематического изложения // Основы евразийства. М., 2002. С. 151. — Авторство данного евразийского манифеста чаще всего приписывают Л. П. Карсавину.

³² Гурвич Г. Д. Социализм и собственность. С. 354.

³³ Гурвич Г. Д. Собственность и социализм... С. 509.

³⁴ Гурвич Г. Д. Н. Н. Алексеев. Основы философии права. Прага, изд. «Пламя». 1924 (рецензия) // Современные записки. 1924. № 21. С. 398.

своих требований посредством заранее установленного внешнего принуждения, что не предполагается как обязательное».³⁵

Почти все признаки права, присутствующие в данном определении, упомянуты Алексеевым в «Основах философии права». Среди них — обозначение права как сферы признания ценностей, и именование справедливости ключевой правовой ценностью, и специфически правовая связь правомочия и обязанности («императивно-атрибутивный» характер права), и использование понятия «нормативный факт».

Последние два признака свидетельствуют о рецепции авторами идей Петражицкого, методологию которого Алексеев анализировал в «Основных философских предпосылках психологической теории права Л. И. Петражицкого»³⁶ (1913), «Введении в изучение права» (1918), «Основах философии права» (1924) и «Теории государства» (1931). Причем подчеркнуто негативное отношение Алексеева к психологической теории, заявленное в 1913 г., сменилось комплиментарным в более поздних работах.

Подобная динамика объясняется тем, что Алексеев, осознав связь идей Петражицкого и феноменологии, стремился активно использовать феноменологический метод в изучении сущности права. Автор следовал максиме Э. Гуссерля: «Если теория познания хочет... исследовать проблемы отношения между сознанием и бытием, то она может иметь при этом в виду только бытие как коррелят сознания».³⁷ И здесь Алексееву приходила на помощь именно психологическая концепция права, стремившаяся представить бытие права как коррелят человеческого сознания. Противоречие же между Гуссерлем и критикуемым им психологизмом Алексеев разрешал таким образом, что отстаивал не «эмоциональный», а «эйдети-ческий» характер права. Утверждаемые Петражицким «правовые эмоции», по Алексееву, не «психичны», а «сверхпсихичны» в своей основе.³⁸

Алексеев также стремился совместить психологическую теорию права с феноменологической юриспруденцией А. Райнаха. Подобно Петражицкому, отстаивавшему императивно-атрибутивный («право-обязанностный») характер права, Райнах считал требование и обязательство (долг) первопонятиями права.³⁹

³⁵ Гурвич Г. Д. Социология права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права. С. 608.

³⁶ Алексеев Н. Н. Основные философские предпосылки психологической теории права Л. И. Петражицкого. Б. м., б. г. С. 1–19. — Статья представляет собой отдельный оттиск из журнала «Юридический вестник» от 1913 г., кн. IV. А. Валицкий предполагает, что резко критический тон этой статьи спровоцирован кампанией «школы философии права» Новгородцева, к которой примыкал Алексеев, против школы Петражицкого. См.: Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012. С. 341–343.

³⁷ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Избранные работы. М., 2005. С. 198–199.

³⁸ «Правовые эмоции Л. И. Петражицкого, поскольку они двусторонни — императивно-атрибутивны, всего лучше иллюстрирует, что чувство права обнаруживает соответствие двух моментов (правомочия и обязанности. — Б. Н.), их сообразное и согласованное соотношение. Но напрасно думать, что подобные эмоции ограничиваются узкими пределами личной души и ее переживаний. В них обнаруживается целый сверхличный мир — «одно» и «другое», предмет и отношение к нему, словом, целая объективная структура». — Алексеев Н. Н. Основы философии права. С. 67.

³⁹ Райнах А. Априорные основания гражданского права // Райнах А. Собр. соч. М., 2001. С. 156.

Именно Алексеев, настаивал Гурвич, правильно обозначил связь феноменологии с теорией Петражицкого.⁴⁰ Однако при более внимательном рассмотрении очевидны различия между «феноменологическими» концепциями Гурвича и Алексеева. Гурвич следовал не феноменологической юриспруденции (Райнаху и др.), а воззрениям Гуссерля, причем особенного периода.⁴¹ Сосредоточив свое внимание на «феноменологической редукции» социальных отношений, Гурвич пришел к выводу, что правовой опыт — коллективный по своей сути.⁴²

Алексеев же, ориентируясь на иной (дескриптивный) период творчества Гуссерля, утверждал, что «правовой структуре» нельзя дать определения, можно лишь ее описать. Эта структура состоит из трех начал: 1) субъекта, наделенного сознанием, носителя ценностей; 2) ценностей, к которым устремлено сознание; 3) базовых правовых соответствий (правомочия и обязанности), выстраивающихся между субъектом и ценностями; если человек признает ценность *другого* — он считает себя обязанным, если признает ценность *в себе* — управомоченным.⁴³

При этом субъектом признания ценностей Алексеев считал индивида, Гурвич — «социальное Целое», и в этом их теории расходились. Разумеется, и методология авторов была различной: Алексеев не был социологом права, в «Основах философии права» он лишь выстраивал абстрактную правовую структуру, не анализируя социальные явления.

Другим евразийцем, важным для Гурвича, стал Л. Карсавин. В том же номере «Современных записок», где были опубликованы «Пророки» (1925), вышла рецензия Гурвича на сборник, посвященный анализу философии права русского большевизма. Рецензент скептически отнесся к содержанию сборника, однако не стал предметно критиковать взгляды Карсавина, оговорившись, что тот охарактеризовал большевизм как проявление органической русской стихии. По Гурвичу, эти воззрения неясны вне связи с «евразийскими» трудами Карсавина.⁴⁴ К слову, к евразийству Карсавин примкнул именно в год выхода этой рецензии, в 1925 г.

Именование Карсавина «политическим оппортунистом» не помешало Гурвичу написать о нем позже как о «самом глубоком и мощном представителе русской религиозной школы».⁴⁵ Этот отзыв отчасти объясняется схожестью мыслей: оба автора оперировали такими понятиями, как соборный субъект, всеединство и т. д. Отдельные формулировки работ Карсавина и Гурвича схожи в обосновании существования коллективного субъекта.

В своей «Философии истории» (1923) Карсавин заявляет: «Несомненно, что многое (но далеко не все) из отличного и “данного” воспринимается нами как качественная иная (субъекта или объекта, поскольку дело

⁴⁰ Гурвич Г. Д. Русская философия первой четверти XX века (1926) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2006–2007 [8]. М., 2009. С. 503.

⁴¹ Важно, что Гурвич ориентируется в основном на трансцендентальный период творчества Гуссерля, тогда как Алексеев — скорее на более ранний, дескриптивный период. Алексеев активно ссылался на «Логические исследования» (1900–1901) Гуссерля во «Введении в изучение права». См., напр.: Алексеев Н. Н. Введение в изучение права. М., 1918. С. 45.

⁴² Гурвич Г. Д. Юридическая опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права. С. 271.

⁴³ Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1998. С. 67.

⁴⁴ Гурвич Г. Д. Der Staat, das Recht und die Wirtschaft des Bolschewismus. 1 Teil., Berlin, 1925 // Современные записки. 1925. № 26. С. 497.

⁴⁵ Гурвич Г. Д. Русская философия первой четверти XX века (1926). С. 511.

идет о восприятии внешнего мира). Это значит, что нами воспринимается и само “иное”. А такое восприятие возможно лишь в том случае, если “иное” является и нами самими, нашим качеством, отличным от воспринимающего его качества, и своим иным, не менее отличным от всякого нашего момента, чем то нами воспринимается. Следовательно, мой воспринимающий иное и, значит, являющийся и самим иным субъект выше и шире, чем он же в качестве субъекта всех моих качественных, относимых мною только к себе, а не к иному. Субъект, как всеединство моих моментов, сам оказывается лишь моментом высшего субъекта, другими моментами которого являются иные субъекты (и “объекты”).⁴⁶

Гурвич в работе «Юридический опыт и плюралистическая философия права» (1935) подчеркивает: «Для того чтобы правосознания могли сходиться в трансцендентных по отношению друг к другу актах признания, необходимо, чтобы они раскрылись как участвующие и частично сливающиеся в одних и тех же актах признания. Иными словами, коллективный опыт социального права является необходимым условием коллективного опыта индивидуального права; первый опыт — основа второго и скрыто присутствует в нем. Именно здесь и лежит действительная основа примата социального права по отношению к праву индивидуальному, несмотря на их существенную разнородность, на которой мы настаивали в наших работах».⁴⁷

Подобные сходства и пересечения возникали не в силу заимствования, но ввиду общности мыслей. Сверхиндивидуальное начало у Гурвича воплотилось в предложенной им концепции «трансперсонализма», возникшей благодаря развитию идей Фихте. Эта концепция подразумевает, что Целое («Дух») больше, чем только лишь сумма составляющих его сознаний, но при этом оно, это Целое, не имманентно этим сознаниям.⁴⁸ «Панентеизм» Карсавина («все — в Боге», но не «все — Бог») стал возможен из-за влияния работ Н. Кузанского.

Максимальное совпадение с идеями Карсавина можно заметить на отдельном этапе творчества Гурвича — на рубеже 1920–1930-х гг. Гурвич был особенно близок Карсавину в период работы над «Идеей социального права» (1932), где он писал о нераздельной корреляции между Целым и его частями. Позднее Гурвич признался, что впоследствии он отошел от позиций русской религиозной философии, обратившись к «реалистическому плюрализму, противостоящему любой монистической редукции Многого к Единому».⁴⁹ Разочаровавшись в «идеал-реализме» русских философов, автор в конце 1920-х — начале 1930-х гг. обратился к феноменологическим концепциям.

Тем не менее, во второй половине 1920 гг., несмотря на огонь едкой критики Гурвича в адрес евразийцев, между авторами существовало множество точек пересечения. В вопросах о важности для права момента признания ценностей Гурвич смыкается с Алексеевым, что говорит не о заимствовании, а о факте причастности идей авторов психологическим и феноменологическим концепциям права, а также русской философской мысли начала XX в. Факт же подчеркивания соборного, коллективного характера права сближает Гурвича с Л. Карсавиным.

⁴⁶ Карсавин Л. П. Философия истории. М., 2007. С. 49.

⁴⁷ Гурвич Г. Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права. С. 272.

⁴⁸ Гурвич Г. Д. Идея социального права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права. С. 50.

⁴⁹ Гурвич Г. Д. Мой интеллектуальный дневник. С. 836.